

#_200

Л. И. Аксельрод (Ортодокс)

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ.

Предисловие.

Предлагаемый читателям "Курс лекций" по историческому материализму был прочитан в 1919 г. в Тамбове учителям Тамбовской губ.

Группа слушателей тогда же обратилась в правление наробраза, по приглашению которого я читала этот курс, с предложением стенографировать лекции. Предложение было принято, и в результате я получила полную стенограмму курса. Правление наробраза предложило мне далее печатать этот курс, на что я согласилась, представив для печати первые четыре лекции. Но в это время Тамбов подвергся нашествию Мамонтова. Некоторые учреждения были разгромлены. Было, повидимому, не до печатания моего курса, и я взяла свою работу назад.

Мысль о напечатании курса не была мною оставлена, но рядом с этим возникли ряд соображений и неизбежные колебания.

Встало прежде всего сомнение о целесообразности и необходимости такой работы. Ведь существуют по этому предмету такие классические произведения, как "Антидюринг" Энгельса, "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю и "Основные вопросы марксизма" Плеханова и "Исторический материализм" Антония Лабриолы. Кроме того, есть ряд статей о материалистическом понимании истории Каутского, Меринга, несколько брошюр как в Западной Европе, так и у нас в России, трактующих все тот же предмет. А затем, не так давно вышла интересная книга тов. Н. Бухарина, в которой сделана попытка положительного и систематического изложения основ марксистского мировоззрения.

Тщательно взвесив все указанные обстоятельства, я все же пришла к заключению, что и моя работа может быть не совсем бесполезна. Дело в том, что классические произведения "Антидюринг" и "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" не вполне доступны современному поколению, благодаря своему полемическому характеру. Настоящее понимание этих произведений возможно лишь при условии основательного знания тех идеологических течений, против которых Энгельс и Плеханов вели борьбу. "Основные вопросы марксизма" превосходное, конечно, произведение, но оно отличается чрезвычайной сжатостью.

#_201

Замечательная книга А. Лабриолы занимается, главным образом, одной стороной материалистического понимания истории, - его монизмом. Кроме того, за последнее время выросла критика, с которой следует считаться.

Далее, что касается статей и брошюр по этому предмету, то хотя каждая из них представляет собою ту или иную ценность, но материалистическое понимание истории представляется в них все же конспективно и, главным образом, совершенно независимо от критики и других направлений в философии истории и социологии.

Остается, таким образом, ответить на вопрос, нуждается ли читатель в новой работе по историческому материализму раз имеется

книга тов. Бухарина. Очень трудно, конечно, отвечать за читателя, и я не берусь дать за него ответ. Если вообще человеку свойственно ошибаться, то тем более это свойственно писателю в таком щекотливом вопросе. Тем не менее, я все же решаюсь печатать работу, исходя из следующих двух соображений.

Во-первых, основные методологические принципы, развернутые в книге тов. Бухарина, значительно на мой взгляд отличаются от основных принципов ортодоксального марксизма. И сам тов. Бухарин категорически заявляет в предисловии следующее: "В некоторых довольно существенных пунктах автор отступает от обычной трактовки предмета, в других он считает возможным не ограничиваться уже известными положениями, а развивать их дальше". И хотя тов. Бухарин тут же прибавляет, что он "всюду и везде продолжает традиции наиболее ортодоксального, материалистического и революционного марксизма", отступление от "существенных пунктов" дает себя чувствовать весьма сильно в понимании метода, т.-е. в главной основе материалистического об'яснения истории.

Я же остаюсь на старой позиции ортодоксального марксизма без всяких отступлений. Признавая вместе с тов. Бухариным необходимость дальнейшего развития некоторых важных проблем диалектического материализма, я вместе с тем не вижу никакой надобности в отступлении "от некоторых существенных пунктов". Наоборот, мой скромный марксистский опыт все более и более укрепляет и утверждает старую ортодоксальную позицию во всех ее важных и "существенных пунктах". Мы, следовательно, расходимся с тов. Бухариным. И это расхождение служит основанием, почему я невзирая на существование интересной книги тов. Бухарина, решаюсь предложить благосклонному читателю мою работу.

Во-вторых, знакомство с марксистской мыслью привело меня к убеждению, что каждый теоретик марксизма, какого калибра он бы ни был, проверял и утверждал марксистское мировоззрение на разработке, анализе и решении отдельных проблем.

Поэтому работа марксиста по историческому материализму может выявить применение марксистского метода с наибольшей выпуклостью к тем областям, которые его занимали по преимуществу.

Удалось ли мне и в какой мере удалось выявить применение метода диалектического материализма к решению тех вопросов, над которыми мне пришлось работать, главным образом об этом пусть судит читатель.

Москва, 29 ноября 1922 г.

#_202

ЛЕКЦИЯ 1.

Возможны ли исторические законы.

Материалистическое понимание истории - очень сложное, всеоб'емлющее мирозерцание. Оно начинается с философских предпосылок и заканчивается принципам социально-политической тактики. Оно, таким образом, обнимает собой и теорию, и практику, теоретические принципы исторического развития и принципы воли и действия общественного человека. Оно, следовательно, соединяет в себе об'яснение деятельности, выражаясь философским языком, теоретического и практического разума. Само собой понятно, что это мировоззрение во всем его целом не может быть изложено

законченным и исчерпывающим образом. Самым верным и настоящим изложением материалистического взгляда на историю было бы критическое рассмотрение всей истории культуры, т.-е. всей исторической деятельности человечества с точки зрения этого мировоззрения. Такая задача не выполнима даже для первоклассного гения, тем более не должен за нее браться обыкновенный смертный. Эта задача выполняется по частям всемирным марксизмом, который достиг в этой области довольно значительных результатов.

Я постараюсь на основании этих результатов развить перед вами основные принципы методологического свойства, т.-е. те начала и предпосылки, которые необходимы каждому марксисту для того, чтобы быть в состоянии методологически разобраться в исторических и общественных явлениях и вопросах.

Материалистическое понимание истории ищет прежде всего установления исторических законов, и не только ищет, но его великие основатели Маркс и Энгельс их открыли. Является, следовательно, прежде всего вопрос: что такое закон. Сущность закона сформулирована на мой взгляд вполне правильно одним из выдающихся политических мыслителей XVIII столетия Монтескье. В его знаменитом сочинении "Дух законов" Монтескье определяет сущность закона таким образом: "Законы в самом обширном значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, и в этом смысле все существующее имеет свои законы". В области естествознания никем в настоящее время не оспаривается, что существуют объективные законы, вытекающие из природы вещей и выражающие постоянство взаимоотношений этих последних. Возьмите закон притяжения. Мы знаем, что каждое тело, падающее с известной высоты, притягивается центром земли. Этот закон выведен на основании бесконечного количества повторных явлений. Нам хорошо известен всеобъемлющий закон сохранения вещества или материи. Этот закон гласит, что материя во время реакции не исчезает и не творится, а лишь только видоизменяется, всегда и неизменно оставаясь материей. Или, другими словами, при всех химических превращениях вес веществ, вступающих в реакцию, всегда равен весу полученных в результате реакций. Еще иначе общий вес изменяющихся качественно веществ,

#_203

а, следовательно, их общая масса или материя сохраняется. Или другой всеобъемлющий закон о сохранении энергии. Этот закон сводится к следующему: какое бы явление или процесс, происходящий в природе, мы ни взяли, каким бы превращениям ни подвергалась в нем энергия, всегда оказывается, что сумма ее во всех телах, участвовавших в этих превращениях до процесса, после процесса и в любой момент процесса остается всегда постоянной. Иначе говоря, нельзя ни создать энергию, ни уничтожить ее. На всякое количество возникающей энергии одновременно исчезает соответствующее, или, выражаясь химическим термином, эквивалентное, количество другого вида энергии, и, наоборот, никакое количество энергии не исчезает без того, чтобы одновременно не возникло эквивалентного количества какой-нибудь другой ее формы. Это обобщение является одним из основных законов современного естествознания.

Оба закона выведены на основании строго проверенного опыта при различных условиях, но вот встает вопрос, возможно ли найти и установить такие общие и общепризнанные законы в исторической области? Существует целый ряд ученых, которые вообще отрицают

такую возможность. Основания, ими высказываемые, в общем и главном следующие. Во-первых, явления природы отличаются несравненно меньшей степенью сложности, нежели явления общественно-исторической жизни. Во-вторых, в области наблюдения над процессами природы мы замечаем постоянное повторение одних и тех же явлений. В-третьих, естествознание пользуется экспериментом, т.-е. искусственным воспроизведением явлений. Мы имеем возможность в физической и химической лабораториях воспроизвести некоторые из тех явлений, которые мы подсмотрели и подслушали в жизни природы. Между тем как при изучении общественной и исторической деятельности человечества мы лишены этой возможности. Нельзя произвести в лаборатории Великую французскую революцию, мы не в состоянии воссоздать эпоху греко-персидских войн, в ее конкретности, или время реформации со всеми последствиями этих великих событий, имевших такое глубокое влияние на ход исторического развития. В историческом процессе, утверждают далее противники возможности исторических законов, нет повторности явления. Ни одно историческое событие и ни одно историческое явление не похоже на другие. В исторической действительности всякое событие бывает только один раз. Кроме указанных причин в исторических событиях действуют и могут оказать решающее влияние случайности. Если бы, например, отсутствовала та или другая выдающаяся гениальная личность или тот или другой закон крупного государственного деятеля, возможно, что вся история приняла бы другой вид. В этом отношении может оказывать влияние даже мелкий и с виду совершенно незначительный факт. Если бы, утверждали историки старой школы, у египетской царицы Клеопатры форма носа была иная, ход развития Римской империи принял бы иное направление, а вместе с тем пошла бы по другому руслу вся европейская цивилизация. Или, если бы во время семилетней войны, маркиза Дюбари не была бы фавориткой Людовика XV, весьма возможно, что вся западно-европейская жизнь XIX столетия приняла

#_204

бы совершенно другой оборот. Ибо в семилетней войне Франция и Голландия потеряли свое значение на море. А ход и исход войны обуславливались действием бездарных французских генералов, которым покровительствовала маркиза Дюбари. Выходит таким образом, что если бы король Франции не отличался слабостью к женскому полу, а маркиза Дюбари не была так привлекательна, история Европы пошла бы другим путем. Следовательно, такие мелкие непредвиденные и совершенно неподдающиеся никакому учету случайности могут определить собою судьбы всемирной истории.

О значении случайности и о влиянии личности в истории я буду говорить особо, когда речь пойдет о свободе и необходимости, об отношении личности к действиям масс и о роли крупных людей в ходе исторического развития. А сейчас остановимся на первых отмеченных возражениях и начнем с вопроса о сложности исторических событий.

Несомненный факт чрезвычайной сложности общественных и исторических явлений и событий не может служить принципиальным препятствием к нахождению и определению исторической закономерности. И в общей цепи расположения естественных наук мы видим восхождение от простого к сложному и от менее сложного к более сложному. Химия, например, сложнее физики, потому что она включает в себе и законы физики и плюс ее собственные законы,

биология сложнее и физики, и химии, так как эта сложная отрасль знания воплощает в себе законы физики, химии, анатомии, физиологии и т. д. То же самое относится к психологии, которая, кроме законов из области естествознания должна считаться с обществоведением в самом широком значении этого понятия.

Тем не менее эти соображения не заставляют же представителей указанных областей отказаться от установления и признания возможности и наличия законов в биологии и психологии. Факт сложности той или другой отрасли науки не является методологической преградой на пути к исканию законов, а требует лишь полноты сознания исследователя трудности задачи. Нет и не может быть сомнения в том, что общественно-историческая жизнь является собой необычайную сложность во всех ее проявлениях. Но это бесспорное положение обязывает исследователя этой многообъемлющей отрасли знания к ясному и отчетливому пониманию условий своей трудной задачи и сугубой осторожности в своих выводах. Тут вполне уместно напомнить слова Бэкона, что к чрезмерному стремлению разума к обобщению следует подвесить оловянные гири. Эти требования, требования сознания и ответственности – очень большие и очень серьезные требования.

Перехожу к другому возражению, к вопросу о повторяемости исторических явлений. Утверждение, будто в истории события и явления не повторяются, просто ошибочно. Наоборот, в исторической жизни народов мы встречаемся с бесконечным количеством повторений, давшим полное основание философу пессимисту Шопенгауэру горько жаловаться на томительную скуку в истории человечества. Возьмем сперва для примера социально-экономическую область. В настоящее время нам очень хорошо известно, что почти всем народам на первых ступенях их общественного развития свойственен

#_205

родовой коммунистический быт*1. Мы знаем также, что этот родовой коммунизм имел везде сходные однообразные причины, сводящиеся в общем к групповым способам производства, которыми определялась и коммунистическая форма распределения. Нам далее известно, что феодальный порядок пережили все европейские государства, и что хотя в несколько иной форме и при других географических и исторических условиях тот же феодальный порядок был присущ и русскому государству. Если затем бросить взгляд на политическую область (замечу в скобках, что мы отрываем политическую область от экономической структуры лишь для удобства, и что по существу эти области неразрывны), то и тут нам бросаются в глаза неизбежные постоянные повторения. Мы видим, например, политические революции во всех почти странах европейского запада и России. Как бы ни различались по своему содержанию и характеру все имевшие место в истории революции, во всех революциях можно отметить целый ряд крупных и совершенно сходных по своей сущности явлений, дающих полную возможность выводить общие законы в такой важной и серьезной сфере, как сфера революционной борьбы и революционных катастрофических переворотов. И фактически все историки революций, признают ли они принципиально повторяемость исторических явлений или не признают, всегда приводят параллели, дающие материал для установления исторической закономерности.

Пойдем дальше, и бросим с этой точки зрения беглый взгляд на идеологию. К какой бы отрасли идеологии мы ни подошли, мы везде

видим все ту же повторяемость. Возьму для иллюстрации историю искусства в его культурно-завершенном виде. Эта область наиболее знакомая вам. Это – во-первых, во-вторых, искусство является такой отраслью человеческой деятельности, где случайность, каприз, настроение, вдохновение, интуиция, или даже бессознательность творца художественных ценностей является почти что общепризнанным фактом. Тем не менее, и в этой отрасли явления до поразительности повторяются. По основному существу в истории художественного творчества повторяется два жанра: классический и реалистический, и другой жанр – романтический. Первый заключается в том, что художник стремится воспроизвести типичные обобщающие черты об'ективной действительности. Это есть реализм в настоящем подлинном значении этого слова. Другой жанр – романтический – заключается в стремлении художника выразить свое собственное суб'ективное настроение. Там преобладает об'ективное начало, тут – суб'ективный момент. И вот эти два главных течения в искусстве повторяются и часто следуют друг за другом с заметной правильностью, начиная с классической древности и кончая нашей эпохой. Мы видим эпохи, когда господствует реализм в искусстве, и другие периоды, в которые преобладающим течением становится суб'ективизм, т.-е. романтика. Сравнительная правильность чередования этих двух родов в искусстве дала

---

*1 Появилось теперь течение, отрицающее этот факт. Доводы этого течения будут рассмотрены в лекции о происхождении и развитии частной собственности.

#_206

возможность Гете сделать такое важное и интересное обобщение. В эпохи под'ема творчества живых общественных сил, думал величайший мировой поэт-философ, господствует реализм, в периоды же общественного упадка – суб'ективизм – романтика*1.

Обращаясь к истории философии, мы видим, что и эта область, область человеческой отвлеченной мысли, полна повторений. Философские системы возникают, создаются школы, разрабатываются отдельные ее положения, но проходят некоторые периоды времени, – система подвергается полному разрушению, а затем как будто окончательному и оскорбительному забвению. А далее через столетие, а иногда и через более значительные промежутки времени, система возрождается и часто выдается за нечто совершенно новое и совершенно оригинальное. Приводить примеры, подтверждающие это положение, было бы даже безвкусно, так как в этом отношении история философии почти что не знает исключения.

Да, история полна повторений и во всех областях. Касаясь вопроса о возможности исторических законов, и отражая доводы тех, которые отрицают их возможность, на основании мнимого отсутствия повторяемости явлений, Вундт говорит в своем "Введении в философию" следующее:

"Этот формальный признак (повторяемость явлений в природе и якобы неповторяемость в области истории. Орт.) не верен с двоякой точки зрения: во-первых, совершенно неверно, что единичные явления (das Singulare) не играют роли в естественных науках. Например, почти вся геология состоит из единичных фактов, тем не менее никто не станет утверждать, что – исследование ледяного периода потому только, что он, по всей вероятности, существовал

только раз, не относится к естественной науке, а должен быть отдан историку для мечтательного созерцания. Во-вторых, совершенно неверно также и то, что в истории явления не повторяются. Начиная с Полибия, историки, поскольку они не были хроникерами, редко упускали случай, чтобы не указать на одновременные события и аналогичные ряды явлений, которые имели место в различное время и которым присуща одинаковая внутренняя связь. Такими историческими параллелями историки пользовались для известных выводов".

История повторяется. Более того, она повторяется подчас, как бы с очевидным намерением дать почувствовать и понять историческим деятелям, что ее обмануть нельзя. "Если, - говорит она, - вы совершили и вызвали событие, которое не соответствует еще данному состоянию общественных сил, вам придется повторить или, если ваша власть и влияние исчерпаны до дна, ваша попытка возобновить их тщетна и повторения напрасны". Очень хорошо и глубокомысленно говорит знаменитый историк новой философии Куно Фишер о смысле повторений исторических событий:

---

*1 Вернее будет с нашей точки зрения характеризовать направления в искусстве не состоянием эпохи, а положением определенного класса.

#_207

"Повидимому, - пишет историк философии, - всемирная история в великих вопросах, от которых зависит будущее мира, должна повторять доказательства необходимости или невозможности противоположного, чтобы утвердить окончательно новое положение; она дважды доказывала необходимость римского цезаризма и безуспешность умерщвления цезаря; битвою при Филиппах и битвою при Акциуме. Точно так же Бурбоны должны были дважды подвергнуться изгнанию и Наполеон был дважды побежден".

История также полна экспериментов, и в известном смысле и она представляет собою лабораторию, в которой производятся опыты. Но исторический эксперимент отличается от естественно-научного эксперимента тем, что экспериментатор естествоиспытатель, имея дело с неодушевленными телами или животными, отчетливо сознает, что он производит опыт и потому с самого начала готов на неудачу. Исторический деятель, руководящий теми или иными событиями, экспериментирует бессознательно. Имея дело с живыми людьми, а не с пассивным, бессознательным материалом, он должен действовать с уверенностью в успехе, и так именно действует исторический деятель и тогда, когда опыт завершился неудачей. К этому надо еще прибавить, что в историческом эксперименте всегда так или иначе принимают участие массы. Сознание приходит *post factum*. Сова Минервы вылетает в сумерках, как говорит Гегель.

Дальше. Кроме указанных мотивов, якобы лишающих возможности установления исторических законов, выдвигается суб'ективистами еще одно самое сильное с их точки зрения доказательство в тщетности искания исторического об'ективизма.

Каждый историк, или социолог, является человеком определенного сословия, группы, партии, он - продукт своей среды, воспитания, так или иначе, историк или социолог - заинтересованное лицо, а потому в историческое исследование вносятся неизбежно

суб'ективные элементы, окрашивающие желательным цветом исследуемые события. А суб'ективная оценка событий и фактов естественно приводит к общим суб'ективным ошибочным выводам.

В нашей русской социологической литературе это возражение выдвигалось и пространно обосновывалось родоначальниками суб'ективной школы в социологии П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. Оба мыслителя утверждали, что каждая партия и каждый ее представитель может найти в истории достаточное количество фактов для оправдания и подтверждения своего общественного идеала. Протестант, исследующий историческую жизнь, найдет в ней достаточное количество фактов, на основании которых он сумеет доказать, что история человечества имела своей миссией осуществить идею Лютера; католик в свою очередь придет также при помощи внушительных фактов и событий к выводу, что принципы католицизма были и являются главными двигателями в ходе исторического развития. Или революционер найдет полное основание для защиты той идеи, что революционные перевороты

#_208

рождают новые творческие силы, радикально разрушая ветхие, отжившие социальные формы и государственные учреждения, стоящие преградой на пути к прогрессу. Консерватор в свою очередь остановит главное внимание на таких культурных ценностях, которые необходимо следует хранить, и отсюда сделает заключение, что прогресс обуславливается бережным и тщательным сохранением всего существующего, и т. д. Исходя из этой суб'ективной точки зрения, представители русской суб'ективной социологии приходили к общему выводу, что всякое стремление установить исторические об'ективные законы обречено на полную неудачу.

Только буржуазные ученые, утверждали они, руководимые неутомимым стремлением оправдать существующий порядок вещей, могут искать и страстно ищут почвы и опоры в мнимых законах истории, якобы научным путем установленных. Передовой же человек, социалист, т.-е. истинный защитник интересов народа и прогресса, должен сделать точкой исхода своего социалистического мышления и практической программы не теоретический разум, не об'ективную историческую закономерность, а разум практический, т.-е. нравственную волю. Нравственная воля, творящая идеальные цели, является главным источником и истинной философской основой социалистического идеала, к осуществлению которого стремится критически мыслящая личность. Социалист оценивает исторический ход развития не с точки зрения научной закономерности, а берет за критерий всего совершившегося свой нравственный идеал. Он подвергает строгому нравственному суду историческое зло, несправедливость, все формы эксплуатации человека человеком, с одной стороны, а с другой – он черпает силу и вдохновение в положительных идеальных проявлениях и событиях исторической действительности. Нравственный суд над злодеями в истории и восторг перед ее героями, вот истинные воспитатели критически мыслящей личности, т.-е. социалиста, а не немые цифры и равнодушные факты. Лишь этот сознательно суб'ективный метод, метод нравственных оценок*1 ведет социалиста к сокровенной цели. Научный же об'ективный взгляд на движение мировой истории, утверждение, будто в исторической действительности господствует безусловная закономерность, на которую должна опираться практическая деятельность, приводит к пассивности,

бездеятельности или, как любили выражаться наши субъективные социологи, к квиэтизму.

Вопрос об отношении практической деятельности к научному пониманию истории мы пока оставим неразрешенным. Об этом довольно сложном вопросе будет речь впереди. В данной же общей связи нас интересует утверждение, будто историеведение в отличие от естествознания не может

---

*1 Историческая теория Виндельбанда-Риккерта обнаруживает большое сходство с субъективной теорией наших субъективных социологов. И неудивительно, так как философская основа субъективной социологии и историческая теория упомянутых немецких мыслителей имеют своим общим источником этику Канта. Тут же отмечу, что в известном смысле еще большее сходство с русской субъективной социологией мы замечаем в этическом социализме марбургской школы. Об этих направлениях в философско-исторической мысли будет речь впереди.

#_209

стать настоящей наукой, благодаря неминуемому и неизбежному субъективному отношению исследователя к вопросам общежития человечества.

Это утверждение не выдерживает ни малейшей критики по той простой и очевидной причине, что и естествознанию присущи все роды субъективизма. В действительности всякий вновь открытый закон, всякая добытая истина, безразлично из какой области, утверждались и приобретали всеобщее признание путем упорной, серьезной, а подчас и героической борьбы, проходя, если можно так выразиться, через чистилище субъективных отношений и наслоений, которые составляли тем более серьезное препятствие, чем основательнее, значительнее и плодотворнее был данный закон и данная истина.

Утверждать, что естественные науки составляют исключение, значит либо нарочно закрывать глаза на общеизвестные исторические факты, или же, что, конечно, чаще всего, бессознательно упускать их из вида, не отдавая себе ясного отчета в их значении. Что касается индивидуально-субъективных черт и склонностей исследователя, то естествоиспытатели, которые, как известно, не падают с неба, а рождаются, растут и развиваются на грешной земле, в определенной социальной обстановке, принадлежат к определенному классу и определенным общественным группам, могут точно так же, как и социологи, и философы истории приступать к изучению природы с огромным запасом предрассудков и разного рода беспросветного суеверия. И в настоящее время теоретические отделы произведений по естествознанию полны мистическими уклонами мысли. При изложении и оценке успехов современной положительной науки можно легко встретить благочестивое утверждение, что в конечном итоге познанные нами известные законы природы, открывающие человечеству такие грандиозные ободряющие перспективы, суть не что иное, как мысли божии. Подобная орнаментика не так уж невинна, как это может казаться на первый взгляд. Бог всегда вызывает логическую паузу, обрывающую нить критической пытлиwej мысли, и неизбежно служит веским препятствием на пути к научному исследованию. И все эти мистические тенденции в философии естествознания вытекают из тех же источников, которыми обуславливается субъективизм в общественной науке.

Еще Бэкон делал указания на те родовые индивидуальные и вытекающие из общественной среды субъективные свойства и склонности исследователя, которые являются величайшим тормозом на пути к объективному познанию явлений природы. Анализируя и подчеркивая эти субъективные начала, требуя от естествоиспытателя, чтобы он от них освободился, основоположник точного знания намечал вместе с тем методы, при помощи которых возможно достижение точного опытного знания. И нет ни малейшего сомнения, что со времени Бэкона естествознание добилось таких успехов, о которых не мечтал ни Бэкон, несмотря на его пылкую фантазию, ни Гоббс, ни другие основатели современной положительной науки.

Все больше и больше укрепляющееся, преимущественно в буржуазной идеологии, суеверие, что в естествознании объективное исследование и научное

#_210

предсказание возможны, а в общественно-исторической науке невозможны, имеет своим поводом тот факт, что естествознание в настоящее время обладает многими общепризнанными законами, между тем как законы и выводы общественных наук составляют предмет страстных и ожесточенных споров. Но это различие не принципиального свойства, а исторического характера. Нет почти ни одного из известных нам законов природы, нет почти ни одной значительной истины, которые не подвергались в свое время таким же страстным и ожесточенным нападениям, каким подвергается в наше время учение Маркса о стоимости, о борьбе классов и все положения и выводы научного социализма. Возможность, хотя далеко не безусловная, свободного беспрепятственного развития естествознания в нашу эпоху обусловливается тем, что познание природы и победа над ее силами необходимы и выгодны буржуазным классам, между тем как объективное беспристрастное выяснение общественных отношений становится все более и более угрожающим явлением для теперешнего общественного порядка. И точно такой же острый критический момент переживало естествознание, когда оно являлось могучим орудием в борьбе против общественного порядка средних веков. Выражая классовые интересы господствующего духовенства, инквизиция сожгла Джордано Бруно на костре, а Галилея держала тридцать лет в заточении: первого - за проповедь и за вершение системы Коперника, второго - за учение о вращении земли. Идеологи современных привилегированных классов, признающие теперь движение земли, изыскивают всевозможные софистические доводы, чтобы с их помощью задержать историческое движение вперед современного человечества. Но как бы там ни было, историческая наука все же делает огромные успехи, завоевывая одну территорию за другой.

(Продолжение следует).